

http://www.darial-online.ru/2012_2/chelahsaev.shtml

*Бутаты чындзæн, Шанаты
Аслæнбеджы чызг Людæйан*

Многоплановое изучение народов Кавказа, в том числе осетин, началось в XIX веке. Основы научного осетиноведения были заложены трудами таких крупных зарубежных и отечественных учёных того времени, как Я. Потоцкий, Ю. Клапрот, А. Шегрен, М.М. Ковалевский, В.Ф. Миллер и другие. В непрекращающемся с тех пор процессе реставрации исторического прошлого осетинского народа важную роль выполняют сведения этнографии. Наряду с данными истории, археологии, лингвистики и других смежных наук, эти сведения придают исследованиям комплексный характер и создают условия для проведения более эффективных изысканий

Устойчивый интерес в этнографии осетин вызывают генеалогические предания. Этот пласт народного творчества исследовали К.Л. Хетагуров, М.С. Туганов, В.И. Абаев, Ж.И. Гасинов, Ф.Х. Гутнов, Р.С. Бзаров и мн. др. Они пролили свет на многие скрытые в преданиях исторические реалии. К примеру, анализируя этнографические материалы, собранные в XIX веке русскими и иностранными путешественниками, учёные выявили, что некоторые осетинские фамильные группы возводят свою родословную к легендарному предку Ос-Багатару. В процессе изучения этого вопроса, по мере введения в оборот византийских, арабских, грузинских письменных источников, выяснилось, что Ос-Багатар – не антропоним, а социальный термин. Так в средневековой Алании именовались вожди – выходцы из высших слоёв военной аристократии (1). Таким образом, сведения этнографического характера пересеклись с данными средневековых письменных источников, создав более благоприятные условия для дальнейшего поиска.

В ряду генеалогических преданий осетин видное место занимает история о братьях Курта и Тага, считающихся родоначальниками двух больших фамильных групп – Куртата (русск. куртатинцы) и Тагиата (русск. тагаурцы – из груз. тагаури). Названия этих групп легли в основу наименования двух обществ горной Осетии: Куртатинского, располагавшегося в ущелье реки Фиагдон и её притоков, и Тагаурского, занимавшего ущелья рек Гизельдон, Геналдон, Терек. По преданию, братья первоначально поселились в Куртатинском ущелье, но в результате конфликта одному из них пришлось переселиться в соседнее ущелье. Ко времени добровольного присоединения Осетии к России (XVIII в.) фамилии, ведшие свои родословные от Курта и Тага, занимали в своих обществах лидирующее положение, претендуя на более высокий, чем основная масса свободных соплеменников, социальный статус. Подобные зачатки раннефеодальных отношений возникли в некоторых горных обществах Осетии под влиянием: на Севере – ярко выраженной феодальной системы Кабарды, на Юге – Грузии. Однако включение Кавказа в орбиту жизненно важных интересов Российской империи, вхождение в её состав осетин и их массовое переселение на равнину, начавшееся в первой половине XIX века, нарушили эти процессы, и Осетия, как часть России, вступила на путь капиталистического развития.

Наиболее полный структурный анализ существующих вариантов генеалогических преданий о Куртатах и Тагиатах проведён В.С. Газдановой (2). Сопоставив то, какую окраску приобретали эти предания в зависимости от принадлежности информатора, она попыталась выявить идеологическую функцию, закладываемую каждым из этих обществ в родословную. Так, Куртата считали Тага и Курта братьями. По отцовской линии они связывали своё происхождение с неким ханом Хакуной, а по материнской линии возводили родословную к кабардинским князьям. О Тагиатах, известно, что к XIX веку уровень развития раннефеодальных отношений в их обществе был выше, чем в Куртатинском. Поэтому, занимая более значимое место в общественных отношениях, они не поддерживали версию о братстве Курта и Тага. Ещё В.Ф. Миллер отмечал: «Что касается брата Куртата Тага, то народные легенды о нём куртатинцев и его потомков тагаурцев далеко не согласны между собой. Тагаурцы, считая себя по происхождению благороднее куртатинцев, не признают родства между Тагауром и Куртатом. Основываясь на имени Тагаур, которое по-армянски значит венценосец, они считают своего предка армянским царевичем» (3). Эти и другие приведённые В.С. Газдановой материалы позволили исследовательнице заметить, что с развитием феодальных отношений в некоторых осетинских обществах менялись структуры генеалогических преданий. Подводя их под одну из стереотипных систем, эти предания использовались не столько для объяснения своего происхождения, сколько для доказательства справедливости реально складывавшихся социальных отношений.

Генеалогические предания могут отражать реалии прошлого и поэтому, как отмечалось выше, они важны при исследовании проблем этногенеза и истории в целом. Что касается родословной Тагиат и Куртат, то помимо материалов этнографического характера, предлагаем использовать сведения лингвистики, мифологии, исторических источников и исследований, т.е. информацию, внешнюю по отношению к самому преданию. Опережая события скажем, что предлагаемая ниже интерпретация сводится к видению в рассматриваемом генеалогическом предании элементов кодирования, где Тага и Курта – это знаки-символы, несущие определённую информацию.

1. Для обоснования данной догадки первым делом привлечём сведения осетинского нартовского эпоса и постараемся прояснить этимологическое значение двух волшебных предметов, фигурирующих в нём и, по нашему мнению, также выполняющих роль знаков-символов. Это шлем Бидаса (Бидасы така) и панцирь Церека (Церечи згъар) – воинские доспехи, которые в случае опасности сами надеваются на своего хозяина (4). Мы предполагаем существование определённой семантической связи между именами Тага и Курта предания и этой парой эпических предметов, которые народная этимология связывает с их владельцами – Бидасом и Цереком

Имена Бидас и Церек мы считаем мотивированными терминами: явление, типичное для мифоэпической ономастики. Используя возможности сравнительно-исторического метода в лингвистике, учитывая формальную (фонетический и морфологический критерии) и семантическую его составляющие, позволим предположить следующее. Слово Бидас нам представляется сложносоставным, где лексема 'бид' (bid), по «Историко-этимологическому словарю осетинского языка» В.И. Абаева (далее, ИЭСОЯ; т. I, с. 277), означает 'вить', 'плести', 'скручивать'. Она восходит к общеиндоевропейской основе -vt- (русск. вить, ваять), с характерным для осет. языка переходом в-б. Лексема 'ас' восходит к одному из названий осетин в древности: асии, асы, ясы, осы. Предполагаемая этимология термина Бидас – «изготовленный асом». Этимологию термина Церек (Цереч) мы связываем

со значением «оберегающий, защищающий». К этому склоняют следующие слова из общеиндоевропейского фонда: древнерусск. торч – небольшой щит; польск. таркс, старонем. тарч – щит; укр. торчи – плетень; иранск. тереч – опасность; русск. сторож, стеречь. Учитывая характерный для осет. языка переход т-ц, и имеющееся (в качестве промежуточной формы) начальное ст- в русском варианте данной лексемы, можно обозначить динамику трансформации согласнo-частотного ряда (т-р-ч) – (с-т-р-ч) – (ц-р-ч), приведшего к появлению формы Церек (Цереч). Однако, не считая этимологии терминов Бидас и Церек окончательными, отметим, что в контексте рассматриваемого вопроса они хоть и важны, но всё же имеют второстепенное значение.

Более существенную для нас роль в рассматриваемой паре эпических предметов играют лексемы така и згъжр. По ИЭСОЯ (т. III, стр. 229), така (taka, taqa, tanqa) – шлем; со ссылкой на английского ираниста Г. Бейли, данная лексема демонстрирует связь с древнеперс. taka, в том же значении. Касательно слова згъжр (zgær/æsqær), ИЭСОЯ (т. IV, стр. 308-309) предоставляет следующие значения: доспехи, латы, панцирь, кольчуга, броня. При сопоставлении имен Тага и Курта генеалогических преданий с така и згъжр эпоса, вырисовывается следующая картина. Параллель Тага – така с формальной стороны вполне, на наш взгляд, допустима. Что касается пары Курта – згъжр, то здесь мы исходим из следующего видения. В некоторых языках Средней Азии и Кавказа встречаются вариации осетинской лексемы куржт, которую такие специалисты в области иранского языкознания, как Г. Бейли, Э. Бенвенист, В.И. Абаев относят к общеиранскому языковому фонду (ИЭСОЯ, т. I, стр. 609). В этих языках данная лексема имеет следующие значения: рубашка, стеганный халат, шуба, бешмет (ср. русск. куртка). Из этого ряда нас более всего интересуют грузинское куртаки – панцирь и армянское гурат – боевой плащ, в отличие от осетинского удержавшие необходимое нам значение. Этот факт даёт право предположить, что в определённых случаях згъжр и куржт можно рассматривать как синонимы. Тем самым мы обозначаем параллель Курта – кура́т (згъжр). Таким образом, лингвистическая составляющая исследуемого вопроса позволяет, на наш взгляд, провести параллели между названиями эпических предметов «Бидасы така ама́ Церечи згъжр» и именами Тага и Курта генеалогического предания. В самих лексемах «така» и «курта» мы предлагаем видеть знаки-символы, тождественные шлему и панцирю соответственно.

2. Информативную ценность имеют также иные сведения. Так, по большинству вариантов, Курта и Тага являются пришельцами на новые территории, и время их прихода имеет немаловажное значение. По данным Б.З. Тулатова (1889г.), с тех пор, как Тагиата обосновались в горах, «прошло уже 10 поколений» (5). Так как учёные, вычисляя некоторые даты, исходят из цифры три поколения за столетие, то приход братьев в Осетию следует отнести к XV- XVI векам. Здесь уместны сведения о другой известной фамильной группе Осетии – Баделятах. По преданию, родоначальник этой группы Бадела, вместе с перебравшимся позже в соседнюю Балкарию братом Басиатом, переселился в Дигорское ущелье Осетии из степного города Маджара на Куме. Придя в Дигорию, Бадела прославился тем, что в отличие от горцев имел ружьё. Данный факт способствовал приобретению, со временем, им и его потомками высокого социального положения. Т.к. появление огнестрельного оружия в горах Кавказа датируется XVI веком, то из этого следует, что предполагаемый приход в горы как Баделы с Басиатом, так и Курта с Тага в хронологическом плане близки (6). Сопоставление сведений о двух парах братьев, помимо

обнаруживаемой сюжетной схожести (приход извне, конфликтная ситуация между братьями, переселение одного из них в соседнее ущелье, возвышение братьев в новом обществе), позволяют обрести некоторые примерные представления о времени появления братьев в горах Осетии.

В предании о Курта и Тага также обращают на себя внимание, на первый взгляд, незначительные повествовательные элементы, дающие повод предположить, что до переселения в горы они были степняками. В одной из куртатинских версий, вкратце приводимой В.С. Газдановой, конфликт между Курта и Тага происходит из-за охотничьих собак. В другом предании, записанном Г.И. Кусовым, братья ссорятся из-за охотничьих соколов. На наш взгляд, обозначенные эпизоды сигнализируют о связи со степью, т.к. подобные способы охоты мало совместимы с горным рельефом Центрального Кавказа, и своим происхождением, безусловно, обязаны степнякам. Интерес представляет и сообщение Т. Есенова из Тагиат, в варианте которого сохранились воспоминания о характерном для степного пояса Евразии курганном способе захоронения. Приведённые сведения намекают на ту ландшафтную среду, откуда могли прийти Тага и Курта (7).

3. Существенным фактором, послужившим сложению декларируемых в данной статье представлений, является та историческая обстановка, неотрывно от которой необходимо рассматривать предание о Курта и Тага. Из письменных источников известно, что Алания, к XIII в.н.э. занимавшая центральные области Кавказа и предкавказской равнины, к началу монгольского вторжения была раздираема феодальными междоусобицами. Римско-католический миссионер Юлиан, некоторое время живший среди алан, писал: «Сколько там селений, столько вождей, и ни один из них не имеет подчинённого отношения к другому. Там постоянно идёт война вождя против вождя, села против села...» (8). Ввиду разобщённости аланы не сумели оказать завоевателям достойного сопротивления и Алания как государственно-политическое образование, на многие столетия прекратила своё существование. Часть населения, не признав власти пришельцев, укрылась в ущельях Кавказа, остальная преимущественно мигрировала. Тысячи аланов ушли на Запад: в Византию, на территорию современных Румынии, Венгрии. Ещё несколько тысяч были приняты на службу к монголам и вместе с семьями направлены в Китай и другие регионы империи Чингисидов. Произошла миграция аланов на юг, где «множество князей» было поселено в Тифлисе и других областях Грузии. Большая группа аланов ушла на Ближний Восток, где наиболее способные заняли в войсках мамлюкского Египта руководящие должности, фигурируя в письменных источниках до падения султаната в начале XVII века. (9).

Монгольские ханы умели ценить боевые качества соперников. Поэтому аланы, оставшиеся в местах своего проживания, были привлечены к несению воинской службы. Арабский путешественник Ибн Баттута, описывая столицу Золотой Орды – Новый Сарай (ок. 1333 г.н.э.), в числе различных народов, населяющих город, указал на занимавших отдельный квартал алан-мусульман. Испанский учёный А. Алемань, анализируя данное сообщение, в котором кипчаки, черкесы и русы названы христианами, замечает: «Принимая во внимание, что хан Узбек был одним из главных распространителей Ислама в Орде, это могло указывать на близость аланов к власти» (10). Здесь уместны сведения другого арабского автора ал-Масуди (X в.н.э.), осветившего этнополитическую ситуацию своего времени на Кавказе. Повествуя о Хазарском каганате, он рассказал о спасшихся от эпидемии чумы, вспыхнувшей в Хорезме, нескольких тысячах ал-арсиях. Называя их опорой царя хазаров, он пишет: «Около семи тысяч из них являются конными лучниками («едут с царём ... вооружённые луками») в латах,

шлемах и кольчугах; среди них есть также копейшики...» (11). Ал-арсии Масуди напомнили А. Алеманю о греческом этниконе аорсы – названии сарматского племени, считающегося одним из компонентов при формировании средневековых алан. Приход ал-арсиев из Хорезма согласуется, по мнению Алеманя, с сообщением хорезмийца ал-Бируни о миграции закаспийских аланов на запад. Это позволило сделать А. Алеманю следующий вывод: «Возможно, аланы-мусульмане, которых Ибн Баттута нашёл в Новом Сарае, были потомками ал-арсиев». Принимая во внимание мнение испанского учёного, отметим сам факт присутствия аланского этнического элемента в городах Золотой Орды (12).

К концу XIV века могущество Золотой Орды стало ослабевать, и в Восточной Европе наметились большие геополитические изменения. В течение XV века Золотая Орда распалась на несколько отдельных ханств, а уже в XVI веке Россия завоёвывает Казанское (1552 г.), Астраханское (1556 г.) и Сибирское (1589 г.) ханства. В связи с этим на Кавказе всё более существенную роль начинают играть отдельные адыгские, тюркские и нахо-дагестанские племена, происходит переориентировка политических и экономических связей в регионе. Вследствие этого теряют своё значение некоторые, имевшие при монголах стратегическую важность, города и поселения (13). С этими процессами мы связываем запустение некогда процветавшего крупного торгового города Золотой Орды на Предкавказской равнине – Маджара, откуда, по преданию, пришли в Дигорию братья Басиат и Вадела.

Не имея прямых свидетельств, мы с изрядной долей гипотетичности допускаем, что предпосылки переселения в горы обоих пар братьев могли быть во многом схожими.

4. Приведённые доводы не достаточны, конечно же, для однозначных выводов и оставляют возможность для различных умозаключений. В качестве одной из версий мы допускаем существование такой последовательности: сарматы (аорсы) – ал-арсии Хазарии – Тага и Курта.

Так, предположить генетическую связь Куртат и Тагиат с сарматами позволяет следующий факт. Известно, что главным вкладом сарматов в историю воинского искусства явилось создание особого вида тяжёлой кавалерии, каждый воин которой был катафрактарием. Основным оружием катафрактария являлись меч и длинная пика, ставшая у римлян техническим термином (*sarmaticus contus*); защитой им служили железный шлем и чешуйчатые металлические панцири, изготовление которых у сарматов, а затем и алан, стояло на очень высоком уровне; применялись средства защиты лошадей. Такая кавалерия составляла единственный род войск, способный противостоять македонской фаланге и римскому легиону. О выстроенной клином сарматской кавалерии римский историк Тацит (*Hist. I.79*) писал: «Когда они атакуют эскадронами, вряд ли какой строй выдержит их удар». Если легион был высшим достижением античной военной мысли в отношении пехоты, то катафрактарии были тем же в отношении кавалерии. Они вербовались из аристократических верхов общества (Тацит, *Hist. I.79*; Ам. Марцеллин *XXIII.5.88*) и оказали (через римское и германское посредничество) заметное влияние на формирование средневекового европейского рыцарства (14). Увязывая эту информацию с рассматриваемым преданием, обратим внимание на одну из принадлежащих к Куртатам фамилию – Хадарцевы. Происхождение патронима «Хадарц» восходит, вернее всего, к осет. термину «хждарц», этимологическое значение которого, по В.И. Абаеву (*ИЭСОЯ, г.IV, с.154*), – копыеносец. В случае с сарматами речь, в первую очередь, может идти о знаменитом копье-контосе (осет. арц), достигавшем в длину 4 м и применявшемся сарматами в качестве

колющего оружия. Античные авторы считали такое копье национальным оружием сарматов, а катафрактарию по этому оружию называли ещё контариями. Подобные копья встречаются и в осетинском Нартовском эпосе, например, в сказании «Сослан и Тотраз» (15). Этим мы хотим сказать, что сведения о сарматском копье у осетин прослеживаются как на лингвистическом (лексика, антропонимия), так и на мифопоэтическом (Нартиада) уровнях. Копье-контос, другие атрибуты сарматского воина, в том числе, шлем (така) и панцирь (згъжр-курта), это та нить, которая тянется от сарматских катафрактарию к именам Курта и Тага (16).

Следующий эпизод указывает на возможную связь Куртат и Тагиат с ал-арсиями Хазарского каганата. Известно, что одного из царей Хазарии звали Ханукка (IX в.н.э.). Легко заметить фонетическую близость этого антропонима с именем Канук – родоначальника фамилии Кануковых из Тагиат. Вряд ли между данными антропонимом и патронимом имеет смысл искать прямую связь, но упомянуть имеющееся созвучие необходимо. Нельзя ведь исключить вероятности того, что в социальных верхах каганата, а ал-арсии, безусловно, к ним принадлежали, практиковались схожие имена.

Соглашаясь с мнением учёных, предположивших возможность существования преемственной связи между сарматским племенем аорсов и ал-арсиями Хазарии, необходимо учитывать и тот факт, что выходцами из этой же этнической среды была знаменитая царская династия Аршакидов. Различные ветви этой династии правили в Парфии (III в. до н.э. – III в.н.э.), Армении (I – V вв.н.э.), периодически в Грузии, Кавказской Албании (17). Античная традиция определённо выводит эту династию из скифо-сарматского мира: Страбон (XI, 9, 3; XI, 11, 2), Помпей Трог (Just., II, 1, 3; II, 3, 6), Курций Руф (IV, 12, 11) и др. Говоря об Аршакидах, выделим следующее: на парфянских монетах правители изображались в шлеме, украшенном драгоценными камнями, со звездой в середине, и такой головной убор был наиболее частой разновидностью их царской тиары (18). Выше отмечалось, что одна ветвь Аршакидов несколько столетий правила в Армении, и можно предположить, что за это время общеиранское название шлема – така/тага (ИЭСОЯ, т. III, с. 229) в армянском языке укрепилось в значении «корона, венец». Но вернёмся к одному из вариантов предания, возводящему происхождение Тагиат к беглому армянскому царевичу, нашедшему приют в Осетии и ставшему, якобы, родоначальником этой ветви осетин. Известно, что в период предположительно с XVI по XVIII века, Тагиата контролировали часть Дарьяльской дороги. В грузинском оформлении данный патроним имел вид Тагаури (ср. осет. Куртата – груз. Куртаули, осет. Бибытта – груз. Бибилури, осет. Хетагката – груз. Хетагури). Вероятнее всего, часто пользовавшиеся Дарьяльской дорогой и контактировавшие с Тагиатами армянские купцы, для грузинского Тагаури выдвинули свою этимологию: армянское тагавор означает венценосец (19). Данная версия, оказавшись, видимо, привлекательной для кого-то из Тагиат или их приближения, была записана, как один из вариантов родословной. Но, на наш взгляд, речь может идти не об эфемерном «армянском следе» в родословной Тагиат, а о диаметрально противоположном влиянии. Речь должна идти о «скифо-сармато-аланском следе» в армянской лексике, т.к. при определении этимологии армянского тагавор надо учитывать, в том числе, и осетинское наименование шлема – така (така). Таким образом, этимология термина тагавор при сопоставлении письменных, археологических, нумизматических, этнографических и лингвистических сведений становится прозрачной.

5. В совокупности, все вышеизложенные соображения сводятся к

следующим истолкованиям.

Главным выводом является представление о том, что имена Тага и Курта генеалогического предания выступают в роли знаков-символов – шлема и панциря соответственно. Они образуют двусоставную знаковую систему (т.н. «вещевой» код) и информируют о своих создателях, как о представителях воинского сословия (20). Подчеркнём: применённая для кодирования атрибутика (шлем и панцирь) сигнализирует не только о военной функции, как это делают, к примеру, щит и меч, но акцентирует внимание на том, что речь идёт о военной аристократии, пользовавшейся подобными эффективными средствами защиты. В осетинской Нартиаде это видно наглядно: волшебные шлем Бидаса и панцирь Церека, при крике «бой» сами выскакивающие к своему хозяину, являются собственностью Сослана – известного воина, одного из предводителей нартов (21). Предполагаемый нами выбор предками Куртат и Тагиат знаковой системы, явственно распознаваемой в Нартовском эпосе, позволяет заключить, что они являлись одними из носителей сказаний о нартах.

Использование приёмов кодирования было вызвано, вероятнее всего, заботой о сохранении своей национальной идентичности той группой сармато-алан, которая в результате этнополитических изменений и миграций, не прекращавшихся в Евразийской степи многие века, оказалась в инородной среде.

В горах Курта и Тага обосновались позже основной массы соплеменников, предположительно в XVI веке. К этому времени осетины, изолированные после войн с татаро-монголами в глухих ущельях Кавказа, были отброшены в социально-политическом, экономическом и культурном развитии на многие столетия назад, оказались на обочине протекавших в мире процессов. Поэтому Куртата, Тагиата и некоторые другие этнографические группы на определённом историческом этапе выступили в роли «локомотива», способствовавшего оживлению внешних и внутренних связей осетинского общества, выводу осетин из того драматического состояния, в котором они находились после катастрофы XIII-XIV вв.

Таковы, вкратце, сложившиеся у нас представления по некоторым аспектам рассмотренного выше генеалогического предания. При этом предложенные интерпретации менее всего претендуют на окончательность.

Владикавказ / Дзæуджыхъæу, 2011 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ф.Х.Гутнов. Аристократия алан. Владикавказ, 1995, с.17, 42.
2. В.С.Газданова. Золотой дождь. Владикавказ, 2007, с.33-51.
3. В.Ф.Миллер. Археологическая экскурсия в Осетию/Материалы по археологии Кавказа.
4. «Номдзыд лæг Церекён уыд диссаджы згъёр хёдон. Хæсты коймæ-иу йæхæдæг йæ хицауы уæлæ фестад, æмæ йæ уæд кард нал карста, фат дзы нал хызт» (то же самое о Бидасы така). Цгъойты Х. Ирон æмбисонды хабæрттæ. Дзæуджыхъæу, 1997, с.7.
5. Л.А.Чибириков. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвал, 1989, с.324.
6. Б.А.Калоев. Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999, с.235.
7. Г.И.Кусов. Я хочу вам доверить тайну. Владикавказ, 1992, с.50; В.С.Газданова. Генеалогические представления осетин/Золотой дождь. Владикавказ, 2007, с.41,44.
8. «Дарьял». 2000, №4, с.237.

9. История Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1987, с.126-130; Хотко Самир. Аланы и ассы в мамлюкском Египте/«Дарьял», 1995, №1.
10. А.Алемань. Аланы в древних и средневековых источниках. М., 2003, 6.13.
11. А.Алемань. указ. соч., 6.18.2.
12. В.А.Кузнецов. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992, с.20-22; А.Алемань. указ. соч., 6.18.2.
13. А.А.Иерусалимская. «Великий шёлковый путь» и Северный Кавказ. Л., 1972; В.В.Батчаев. Маджарцы/Проблемы этнографии осетин. Владикавказ, 1992, с.86-100; В.А.Кузнецов. «Великий шёлковый путь» и Северный Кавказ/Алано-осетинские этюды. Владикавказ, 1993, с.43-45.
14. Ф.Кардини. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987; А.М.Хазанов. Катафрактарии и их роль в истории военного искусства; С.М.Перевалов. Сарматский контог и сарматская посадка/РА, 1995-2000, №4; Ю.М.Десятчиков. Катафрактарий на надгробии Афения/СА, 1972, №4.
15. Сказания о нартах. Цхинвал, 1981, с.155-164, 286-294.
16. Римский историк II в.н.э. Павсаний, рассказывая о сарматском панцире, посвящённом Асклепию в Афинах, отмечал, что взглянув на него, можно сказать, что «сарматы способны к искусству ничуть не менее эллинов». ВДИ, 1948, №2; то же самое об аланах: Корнелий Тацит (Hist. I.79.); Аммиан Марцеллин («Дарьял», 1999, №4,); Лаоник Халкокондил (А.Алем., указ. соч. 5.31); армянский рассказчик (А.Алем. указ. соч. 7.7); Вильгельм Рубрук (А.Алем. указ. соч. 4.34).
17. В.Ф.Минорский. История Ширвана и Дербента X-XII вв. М., 1963; Р.Фрай. Наследие Ирана. М., 1972, гл.5; Ю.А.Гаглойти. Алано-Георгика/ «Дарьял», 1992, №2, с.185-194; В.А. Кузнецов. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992, с.9-25.
18. Р.Фрай. указ. соч., с.252.
19. Ф.Х.Гутнов. указ. соч., с.77-81.
20. Изучением знаковых систем занимается семиотика, которая трактует их как «тексты». Прочсть подобные «тексты» возможно лишь установив типы этих знаков с точки зрения их отношения к означаемым предметам или явлениям. Среди знаков можно выделить: а) знаки-копии, более или менее сходные с обозначаемым предметом; б) знаки-признаки, связанные с обозначаемыми предметами (явлениями), как действия со своими причинами, т.е. то, что иначе называют симптомами, приметам; в) знаки-символы, которые используются для выражения отвлечённого содержания, лишённого реальной связи с означаемым. К примеру, простейшим знаком-символом является любая буква алфавита. Символами театра и театрального искусства выступают древнегреческие театральные маски. Серп и молот на гербе СССР демонстрируют приоритет созидательного труда в государстве рабочих и крестьян.
21. Философский энциклопедический словарь. М., 1983, с.191; Д.С.Раевский. Очерки идеологии скифо-сакских племён/Мир скифской культуры. М., 2006, с.20-21.
22. Сказания о нартах. Цхинвал, 1981, с.146.

http://www.darial-online.ru/2011_3/chelahsaev.shtml

Изучением происхождения и функционирования названий таких человеческих общностей, как род, фратрия, племя, народ, занимается этнонимика. Этнонимы, будучи древними терминами, несут в себе ценную информацию. Поэтому знание истории, ареала распространения, употребления и современного состояния какого-либо из них может оказаться важным компонентом при комплексных исторических реконструкциях.

Исследования ученых в этой области языкознания позволили частично сгруппировать этнонимы по семантическим типам. Так, самыми древними из этих типов являются, как полагают специалисты, самоназвания, означавшие своих («народ», «люди», «настоящие люди» и т.д.) в противоположность всем чужим. Другим распространенным видом этнонимов считаются тотемные, посредством которых племя связывало себя сверхъестественным родством с животным, растением, иногда силой стихии. Выявлены патронимические – по имени родоначальника, топонимические – по названию местности, и ряд других типов этнонимов. При всем этом, значительная масса этнонимов пока не может быть классифицирована, т.к. по каждому из них имеются взаимоисключающие гипотезы. Поэтому специалисты осторожны в своих выводах, предусмотрительно предупреждая, что «на каждую сотню этнонимов трудно найти один, этимологию которого можно признать бесспорной», и прогнозируя будущий, по мере накопления новых данных, пересмотр значений многих из них (1).

Далее предлагаем рассмотреть одно из субэтнических наименований современных осетин – кудар (русск. ед.ч. кударец; осет. мн.ч. къуыдар, ед.ч. къуыдайраг), которым именуются жители и выходцы из Кударского ущелья и некоторых прилегающих районов Южной Осетии. Установлено, что при общем самоназвании ирон, у осетин отдельные этнографические группы имеют свои субэтнонимы: дигора, туал, чсан, кудар и др. Эти группы отличаются некоторыми особенностями своих диалектов и говоров (2). Наиболее аргументированные гипотезы по этимологии термина кудар выдвинули Ю.А. Дзиццойты и А. Агнаев.

Версия Ю.А. Дзиццойты сводится к тому, что лексема, лежащая в основе этно-топонима кудар, восходит к одному из самоназваний скифов – скуда, означавшему, по В.И. Абаеву, «стрелок из лука», «лучник». Ученый продемонстрировал возможные варианты фонетических изменений, которые могло претерпеть данное слово в процессе многовекового употребления. В результате проведенных изысканий он пришел к выводу, что топоним «Къуыдар» в древнеосетинском языке означал «скифская земля», «страна скифов» (3). Гипотеза Ю.А. Дзиццойты вполне убедительна: его лингвистические изыскания учитывают сведения письменных, археологических и др. источников, введенные в оборот к концу 80-х годов XX века, что позволило включить данную гипотезу в учебник по истории Осетии (4).

Не менее убедительна догадка, высказанная Нафи Джусойти и в развернутом виде представленная А. Агнаевым. Ученые предложили под этнонимом кудар разглядеть одно из родовых скифских подразделений – катиаров, сведения о которых имеются в поведенной Геродотом генеалогической легенде скифов. А. Агнаев лингвистическими методами

продемонстрировал возможность перехода каттар в кудар, а его этимология близка к значению «люди, занимающиеся разведением скота», «скотоводы» (5). Семантическая составляющая данной гипотезы не противоречит имеющимся научным сведениям, удостоверяющим преимущественно скотоводческий уклад хозяйства скифских племен.

Авторы обеих гипотез, несмотря на различные представления путей генезиса, рассматриваемых этнонима и топонима, едины в том, что слово кудар связано со скифами. Предлагаемая ниже этимология этого термина также неотделима от истории скифских племен.

1. Прежде всего, напомним о произошедшем в начале I тыс. до н.э., в эпоху раннего железа, важном событии, связываемом учеными с североиранскими племенами. В этот период в степях Евразии утвердилась новая эффективная форма производящего хозяйства – кочевое скотоводство, возникновению которого способствовали географический, климатический, экономический, культурно-исторический и др. факторы. Новый метод хозяйствования способствовал массовому освоению североиранцами верховой езды, и с этого периода начинается собственно скифская история. Благодаря своей мобильности, скифские племена быстро распространились по всей Великой Евразийской степи, протянувшейся от Дуная до Хуанхэ. К середине I тыс. до н.э. на этих пространствах археологически отчетливо прослеживаются следующие культуры скифского типа: культура скифов Причерноморья; савроматская – на равнинах Предкавказья, в низовьях Волги и на Южном Урале; культура саков в Казахстане и Средней Азии; пазырыкская культура на Алтае; тагарская культура Тувы; культура юэчжи в северо-западном Китае; культура Ордоса на Хуанхэ и др. Известный скифолог Д.С. Раевский отмечал: «Те, кто в наши дни говорят об особом евразийском характере Российской державы, оперирует, по существу, теми же географическими категориями, которые для античного мира стояли за названием "Скифия"» (6). Научно надежно установлено, что прямыми потомками североиранских (скифо-сарматских) племен по языковой принадлежности, религиозным, культурным и др. воззрениям являются современные осетины. Данные факты предоставляют возможность расширить поле поиска, не ограничиваясь при рассмотрении этнонима кудар только древнегреческим материалом.

2. Взгляд на вопрос с позиций, учитывающих евразийский характер скифского мира, позволяет выделить в этом ареале ряд топонимов и этнонимов, имеющих с термином кудар схожий согласно-частотный ряд

к-

д-р. Топонимы: а) Кударинская степь и река Кудара в Бурятии (к югу от Байкала); б) Кудара – название реки и населенного пункта на Памире; в) река Годор, приток Андийского Койсу в Дагестане; г) река Кудиал в южном Дагестане; д) река Кодор и одноименное ущелье в Абхазии. Этнонимы: а) Кударинские Буряты – одна из этнографических групп у современных бурят; б) кудариты – ираноязычные кочевники Средней Азии в IV-V веках н.э.; в) кудар – одна из составных частей современных осетин. Добавим сюда и фамильные названия (патронимы): а) Кударенко на Украине; б) Кударян в Армении; в) Гудериан в Германии; г) Кадырбаев (-биев; -беков) в Средней Азии. Данный перечень можно пополнить. И хотя по некоторым позициям он полемичен, но, зная, например, о племени саков на Памире (по Б.А. Литвинскому), о малой Алании в районе Кодорского ущелья (по К.Г. Догузову), мы видим некоторые исторические основания для помещения термина кудар в один ряд с этими наименованиями (7).

3. В самом рассматриваемом этнониме, который мы считаем сложносоставным, предполагается наличие двух осетинских лексем: кьуди – хвост и дар – носящий (глагол. дарын – носить), т.е. «носящие

хвосты». В результате сложения и последующего стяжения основ, словосочетание «къуди дар» трансформировалось в кудар, что не противоречит нормам словообразования как древне-, так и современного осетинского языка (8). В данном термине под лексемой къуди – хвост понимается тот вид прически, при котором на голове, чаще обритой, оставляют прядь волос, так называемый «хохол». Ирано- и тюркоязычные народы этот пучок волос называли кекил, какул, индийцы – шикханда, украинцы – оселедец. Данный атрибут демонстрировал принадлежность его обладателя к воинскому сословию. Так, для индийских воинов-кшатриев, наряду с брахманами, принадлежавшими к высшему слою традиционного индийского общества, была характерна данная прическа. Поэтому их называли шикханди – чубатые. По сведениям, разбросанным в различных источниках, схожую прическу носили вождь гуннов Атила (V век н.э.), русский князь Святослав (X век н.э.), тюркоязычные кочевники кызылбаши (XVI в.н.э.), черкесские и кабардинские уздени, запорожские казаки, воинская знать у западных славян и мн. др.

4. Еще одним элементом в наших построениях является славянская лексема, обнаруживающая с рассматриваемым термином формальную и семантическую близость. Это: русск. кудерь, кудря (ед.ч.), кудри (мн.ч.); украинск. кудер (ед.ч.), кудри (мн.ч.); болг. къдър и сербо-хорватск. кудар, кудра в значениях «кудрявый»; польск. kedzior, чешск. kudrna, словенск. koder в значениях «локон, завиток волос» (9). Если исходить из предлагаемой нами этимологии, то налицо скифо-славянская изоглосса. Исследовавший проблему подобных лексических сходжений В.И. Абаев, отмечал: «По количеству и весу, сепаратные скифо-славянские изоглоссы далеко превосходят сепаратные связи скифов с любым другим европейским языком или языковой группой» (10). По нашему мнению, лексема кудар в славянские языки могла попасть из североиранского (скифо-сарматского) и, судя по единообразию форм, – в эпоху общеславянского единства. Позволим себе также предположить, что слово кудрявый в древнерусском было наполнено иной, чем в современном русском языке, семантикой, и обозначало человека с «кудрей» (хохлом, оселедцем и т.д.) на голове.

5. Отдельного рассмотрения заслуживают некоторые данные этнографического характера. В XVIII-XIX веках, когда в сферу жизненно важных интересов Российской империи попал Кавказ, началось всестороннее изучение населяющих его народов. Вместе с другими сведениями было выявлено, что представители многих фамилий Южной Осетии, и Кударского ущелья в частности, возводят родословную к различным коленам своего прародителя Ос-Багатара (11). Позже, в результате исследований, проведенных несколькими поколениями этнографов, историков и представителей смежных наук, выяснилось, что Ос-Багатар – это титул военного вождя, выходца из высших аристократических слоев средневековой Осетии-Алании. Так, в греческих, арабских и грузинских письменных источниках сохранились сообщения о трех различных аланских вождях (царях) эпохи Средневековья (V, IX, XIV века), носивших имя Ос-Багатар. Лексема «багатар» в этом имени равнозначна русск. богатырь, монголо-тюркскому багатур, иранск. бахадур (12). Эти сведения, как и само имя Ос-Багатара, дают возможность отнести происходящие от него рода и фамилии к воинскому сословию, высокий социальный статус которого у индоиранских народов в науке хорошо известен.

Совокупность изложенных в тезисном виде материалов позволяет сделать определенные выводы. Происхождение субэтнонима кудар мы связываем с обозначенной выше прической, полное семантическое значение которой еще предстоит прояснить. Этимология самого термина

куда́р близка, на наш взгляд, таким понятиям, как «человек благородного происхождения», «принадлежащий к воинскому сословию», «воин». Предлагаемая версия, однако, не выходит за рамки предположений, и нуждается в дополнительной аргументации.

7 января 2011 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В.А. Никонов. Этнонимия/сб. Этнонимы. М., 1970, с.14-15.
2. Т.Т. Камболов. Очерки истории осетинского языка. Владикавказ, 2006.
3. Ю.А. Дзиццойты. ж-л «Фидиуётг». 1990, №8; В.И.Абаев. Скифо-европейские изоглоссы/Избранные труды, т.2., Владикавказ, 1995, с.318, 422.
4. М.М. Блиев, Р.С. Бзаров. История Осетии. М., 2005, с.67.
5. Ахсар Агнаев. газ. «Растдзинад». 1992, №№81,82.
6. А.И. Мартынов. Археология. М., 2002; Н.Н. Лысенко. Асы-аланы в Восточной Скифии. Санкт-Петербург, 2002, с.26; А.Д.Грач. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980, с.29, 95; Д.С.Раевский. Скифы. Кто они и откуда пришли?/Властители евразийских степей. Владикавказ, 1995, с.14.
7. Б.А. Литвинский. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972; К.Г. Догузов. К вопросу о расселении алан в раннем средневековье/Проблемы этнографии осетин. Владикавказ, 1992, стр.12-26.
8. В.И. Абаев. ИЭСОЯ, т.1, М.-Л.,1958, с.345-347, 638-639; Т.Т. Камболов. указ. соч., с.112.
9. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. М., 1968, с.400.
10. В.И. Абаев. Указ. соч. (т.3), с.408-409.
11. М.М. Блиев, Р.С. Бзаров. указ. соч., М., 2005, с.167.
12. Ф.Х. Гутнов. Аристократия алан. Владикавказ, 1995, с.17, 42; А. Алемань. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003, с.423-424, 551; Б.А.Калоев. Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999, с.218, 222, 231-233; В.И.Абаев. ИЭСОЯ, т.1, М.-Л., 1958, с.245-246.